

А. Н. ВЛАСОВ

Неизученные историко-литературные памятники Устюжского края XVII в.

Разыскание и изучение историко-литературных памятников, происходящих из различных культурных очагов Московской Руси, имеют большое значение как для истории, культуры и быта местного населения края, так и для воссоздания общей картины развития древнерусской литературы. В цикл памятников, созданных в культурно-исторической зоне городов Устюга Великого и Сольвычегодска, Северо-Восточной окраины европейской части Русского государства в XVI—XVII вв., входят Устюжская летопись, житийные повести о Прокопии и Иоанне Устюжских, Симоне Воломском, житийные сказания о Логине Коряжемском, Христофоровой пустыни, сказания о чудесах от иконы Туровецкой божьей матери, Теплогорской (Югской) божьей матери, Повесть о избавлении града Устюга Великого от литвы и черемис, Повесть о бесноватой Соломонии, Служба кабаку. Большинство устюжских произведений являются памятниками агиографического жанра, которые по своему художественному значению представляют необходимый литературный контекст для появления таких первоклассных произведений, как Повесть о бесноватой Соломонии и Служба кабаку. Кроме того, изучение житийных повестей и сказаний Русского Севера, как показал в своем исследовании Л. А. Дмитриев, продиктовано необходимостью и актуальностью «для решения вопросов о становлении и развитии художественности и беллетристичности русской литературы вообще».¹ Устюжские жития в этом плане дополняют ряд северорусских памятников, рассмотренных исследователем.

Житийные повести и сказания Устюжского края не становились еще предметом специального изучения, и лишь некоторые из них упоминались в трудах историков монастырской колонизации Севера и общих обзорах дореволюционных исследователей.² В своем сообщении мы рассмотрим только памятники местной агиографии, ограничимся их краткой характеристикой и попытаемся поставить некоторые вопросы изучения их литературной истории, причем в этот обзор мы не включаем жития Прокопия и Иоанна Устюжских, так как проблемы, связанные с их литературной историей, требуют специального рассмотрения.

Обратимся к двум местным памятникам, имеющим прямое отношение к возникновению и истории крупнейшего в Устюжском крае Николо-Коряжемского монастыря и написанным, как можно предположить, в конце XVII в. в том же монастыре.

¹ Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973. С. 3.

² Некрасов И. Зарождение национальной литературы в Северной Руси. Одесса, 1870. С. 66—67; Ключевский В. О. Жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 344—345, 418; Верюжский И. Исторические сказания о жизни святых. Вологда, 1880. С. 486; Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 238—239; Будовниц И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI вв. М., 1966. С. 356.

«Сказание о зачатии пустыньские обители, еже есть в верху Малые Коряжемки, и о начальнике старце Христофоре, и о чудесах от иконы пречистые богородицы честнаго и праведнаго ея Одигитрия, и о благодатной воде чудеса вельми предивны» сохранилось в единственном списке конца XVII в. в составе сборника-конволюта ГПБ, Q.XVII.142.³ Окончательный текст Сказания сложился во второй половине XVII в., в период жизни и деятельности Александра Вятского, который был постриженником, а затем игуменом этого монастыря с 1642 по 1651 г. и принял схиму в этом же монастыре после ухода с Вятской епархии в 1676—1679 гг.⁴ В тексте памятника говорится о новом расцвете Христофоровой пустыни как о современном событии во времена игуменства Александра — «в нынешние же лета. . .».⁵ В функционально-жанровом отношении Сказание тяготеет больше к циклу богородичных повестей, чем собственно к житию. По структурным особенностям это скорее развернутый патериковый рассказ с включением чуда от богородичной иконы. Композиционно Сказание распадается на две большие части. В первой части рассказывается история создания и затем запустения Христофоровой пустыни, а также история жизни и исчезновения старца Христофора. Во второй — о восстановлении прежней пустыни, уже приписанной к Николо-Коряжемскому монастырю, и о чудесах от иконы Одигитрии. Источником первой части повествования, очевидно, явились устные рассказы легендарного характера о том, как Христофор водой из благодатного источника излечил жену Ивана Грозного, за что и получил жалованную царскую грамоту на земли пустыни. В рукописном сборнике начала XVIII в., в состав которого, очевидно, входила какая-то часть местного Сольвычегодского летописца в качестве отдельных летописных сказаний, была записана история возникновения Христофоровой пустыни (ГПБ, Q.I.835),⁶ представляющая собой краткую выборку из первой части Сказания.

В Сказании о Христофоровой пустыни рассказывается о событиях местной истории середины XVII в. Для его идейно-тематического содержания характерна общерусская религиозно-философская и историческая проблематика. Тема «праведного пути», тема «искушения праведника», «искушения греха», «наказания», «Страшного суда» и т. д. получают освещение в небольших — в виде притч — эпизодах, вкрапленных в текст основного повествования. Важное место в Сказании занимает рассказ о неправедном архиерее, игумене Николо-Коряжемского монастыря Иове. Очевидно, тема неправедного архиерея была очень близка автору Сказания. Возможно, это было своеобразной реакцией на события середины 60-х гг. XVII в., когда патриарх Никон самовольно оставил патриарший престол и был обвинен на церковном соборе за гордыню и излишества.

С нашей точки зрения, Александр Вятский имеет прямое отношение к созданию местного сказания о Логине. И. Верюжский указывал, что Александром была написана Служба Логину.⁷ Памятник известен в двух списках. Служба и житие Логина Коряжемского XVII в. (1670-е гг.), владельческие записи показывают, что рукопись принадлежала Николо-

³ ГПБ, Q.XVII. 142, л. 82—108. — Сборник указан Т. Ф. Волковой.

⁴ В е р е щ а г и н А. Из истории Вятской епархии: Первый епископ Вятский Александр (1658—1674) // Труды Вятской Ученой Архивной комиссии. 1908. Вятка, 1909. Вып. 2. С. 1—55.

⁵ ГПБ, Q.XVII. 142, л. 106 об.

⁶ ГПБ, Q.I.835, л. 31 об.—39 об. — Сборник указан Т. Ф. Волковой. Краткая летописная история основания Христофоровой пустыни упоминается в «Истории Соли Вычегодской» А. Соскина (ГПБ, Q.IV.403, л. 167—182). Сведения А. Соскина использовал В. О. Ключевский. См.: К л ю ч е в с к и й В. О. Жития святых. . . С. 418.

⁷ В е р ю ж с к и й И. Исторические сказания. . . С. 476.

Коряжемскому монастырю.⁸ Почерк данной рукописи (полуустав) похож на почерк книг, принадлежавших Александру Вятскому (БАН, Устюжское собр., № 71, № 25). В нашей рукописи поздним почерком (XVIII в.) были вписаны сведения, касающиеся вкладов Александра в монастырь, — очевидно, те, кто обращался к этой рукописи, определенно считали ее собственностью бывшего епископа. Второй список — начала XIX в.; он отличается значительными сокращениями текста по сравнению с первым; по свидетельству переписчика, список Сказания сделан «с весьма древнего гладью рукописания. . .».⁹

«Сказание о зачале великого чудотворца Николы Коряжемскаго монастыря и о начальнике игумене Логине» было создано, по-видимому, в последние годы жизни Александра, когда он удалился на покой в родной Николо-Коряжемский монастырь. Об этом «писатель» говорит в последнем чуде этого Сказания: «В лето 7186 (1678) месяца июля в десятый день. . . понеже исперва до сего за тридесят и пять лет слышах от многолетних старец о преподобном мало нечто о житии и о чудесах, еже написати его же молитвами. . .».¹⁰ Указывается примерно 1642/43 год — время поставления Александра игуменом монастыря. Тогда же, очевидно, сложился и основной корпус чудес, расположенных в Сказании между вторым (1618 г.) и предпоследним (1646 г.) чудесами. Значительный интервал времени между последним и предпоследним чудесами (1646—1678 гг.) показывает, что к Сказанию долгое время никто не обращался: это можно объяснить долгим отсутствием в монастыре Александра (1651—1676 гг.). Напрашивается вывод, что Сказание о Логине писал сам Александр либо человек, который все время и всюду находился при епископе, а после смерти Александра оставил свой труд незавершенным. В Сказании о Логине нет похвального слова, в тексте раннего списка (очевидно, автографа) оставлены пустые места для вписывания названий и дат некоторых чудес.

В кратком тексте Сказания фиксируются основные моменты жизни святого, само повествование крайне лаконично: «. . . глаголах ради начала и летописи».¹¹

В конце XVII в. было создано Житие Симона Воломского. Известны 3 списка памятника, в том числе самый ранний из них (ГИМ, Синодальное собр., № 406) конца 70—80-х гг. XVII в. (очевидно, автограф Жития).¹² И. Некрасов первый обратил внимание на Житие Симона Воломского, он выделил в этом памятнике «первичную редакцию», которая представляла собой ранние бессистемные записи о жизни святого. Однако проблема датировки и авторства произведения так и не была поставлена, исследователем только фиксируется дата событий последнего чуда (1682 г.).¹³ О времени создания и авторстве Жития можно судить лишь приблизительно на основании текста самого памятника: создание следует приурочивать к моменту написания новой иконы Симону в 1681 г. и установлению местного празднования памяти святого по решению «градских людей», как повествуется об этом чуде 17-м о новонаписанной иконе священномученику Симону. Вероятно, Житие было написано на заказ одним из устюжских книжников по решению собора местных духовных властей города до открытия там епархии, так как законодательную функцию при

⁸ Вологодский Областной краеведческий музей, № 2151, л. 23—75. — Благодарим сотрудницу музея Н. Н. Малинину, предоставившую нам возможность познакомиться с текстом Жития.

⁹ Сыктывкарский Республиканский краеведческий музей, № 3118, л. 94—207. — Указан Т. Ф. Волковой.

¹⁰ Вологодский Областной краеведческий музей, № 2151, л. 57.

¹¹ Там же. Л. 53. — В Сольвычегодском летописце (ГПБ, Q.1.835) содержатся краткие сведения из этого Жития (л. 28—31).

¹² ГИМ, Синодальное собр., № 406, л. 66, XVII в.; ГБЛ, Великоустюжское собр., ф. 122, № 35, XVIII в., л. 15—40; БАН, Устюжское собр., № 51, XVIII в., л. 1—47.

¹³ Некрасов И. Зарождение национальной литературы. . . С. 66—67.

установлении местного почитания исполнял собор градских людей, а не архиепископ, к которому эта функция впоследствии перешла. По свидетельству местного агиографа, имелись какие-то записи о чудесах от гроба святого (ум. 1640 г.), царская жалованная грамота на землю, а также устный рассказ об устройении новой пустыни и жизни Симона, переданный кому-то из братии самим подвижником: «. . . труды же его бяху таковы, яковы же от уст его слышахом. . .».¹⁴ Последнее чудо в этом списке датируется 1681 г., следовательно, Житие в окончательном виде было создано между 1681 и 1682 гг., до открытия Устюжской епархии. Два других списка не имеют разночтений с основным текстом раннего списка.¹⁵

Еще В. О. Ключевский отмечал, что Житие Симона Воломского является важным источником по истории монастырской колонизации Севера.¹⁶

Что касается литературной стороны этого устюжского памятника, то следует отметить, что Житие Симона содержит все традиционные элементы житийной композиции. В основе сюжетного повествования лежит пространственный принцип перемещения героя: рождение Симона в Волоке Ламском в 1594 г. незадолго перед польско-литовским нашествием, ученичество портняжному делу в Москве, затем его «путное шествие» в качестве портного по многим северным городам и местностям, пострижение в Черногорском монастыре на Пинеге, жизнь в Соловецком монастыре, уход в Вологду и поиски места для пустыни в Вологодских и Устюжских пределах и т. д. Конфликт сюжетного повествования в Житии, как и в некоторых других северорусских житийных повестях (например, в Житии Андриана Пошехонского), оказывается остро социальным: Симона убивают местные жители, пытаются отнять у него жалованную царскую грамоту на землю, им по праву принадлежавшую.¹⁷

К типу легендарных сказаний о чудотворной иконе относится «Сказание об иконе Туровецкой божьей матери». Этот памятник известен по двум спискам: ГИМ, Синодальное собр., № 850, датируемый 1650 г., и поздний список конца XVIII—XIX вв. (место хранения неизвестно).¹⁸ Сказание основано на устном рассказе священника местной церкви, где находилась святыня, о событии XVI в. — нападении на Туровецкий погост казанцев и чудесном избавлении от них. Создание этого памятника следует, очевидно, относить к середине XVII в.; во втором, позднем списке одно из последних чудес датируется 1681 г. Помимо весьма характерного для поздней устюжской агиографической традиции соотношения основного сюжетного повествования Сказания с определенным событием из истории Устюжского края, здесь, как и в других местных памятниках, видны следы влияния устных народных суеверных рассказов.

В списке конца XVII в.¹⁹ сохранилось «Сказание о чудесах от иконы божьей матери Владимирской на Теплой горе». Сюжет этого памятника основан на реальных событиях середины XVII в. — основании новой пустыни на реке Юг Устюжского уезда и обретении чудотворной святыни. Легендарный характер Сказания является всего лишь необходимой формой для освещения действительных событий истории, в частности путей

¹⁴ ГИМ, Синодальное собр., № 406, л. 56 об.—60.

¹⁵ Следует отметить, что в позднем списке Жития (БАН, Устюжское собр., № 51) добавлены поздним переписчиком «Чудо 21», относящееся к 1700 г., Тропарь и Похвала святому, которых в раннем списке не было.

¹⁶ К л ю ч е в с к и й В. О. Жития святых. . . С. 344—345. — Характеристика ученого определила впоследствии и отношение к Житию исследователей: к нему обращались исключительно историки (М. Н. Тихомиров, И. У. Будовниц).

¹⁷ Этот эпизод Жития изобилует подробностями в описании, что несомненно указывает на профессиональные навыки агиографа. См.: ГИМ, Синодальное собр., № 406, л. 24—30 об.

¹⁸ Нам не удалось познакомиться со списком Сказания XVII в. Поздний список, по сообщению Л. Н. Майкова, был опубликован, см.: Сказание об иконе Богоматери на Туровецком погосте // ПДП. СПб., 1879. Вып. 3. С. 96—106.

¹⁹ БАН, Устюжское собр., № 19, л. 1—32.

миграции русского населения и поздней монастырской колонизации края. Этот памятник служил документальной основой для признания новоявленной святыни высшими духовными властями.²⁰ Автором Сказания скорее всего мог оказаться кто-нибудь из иноков пустыни или устюжского церковно-монастырского клира, хорошо осведомленный и имеющий доступ к делопроизводительным бумагам местных духовных властей, так как он оперирует точными датами — когда была получена закладная на землю пустыни и от кого — и другими подробностями. Написано это Сказание было в 1680 г., до открытия в Устюге епархии.²¹

Кроме рассказа о явлении чудотворной иконы и основании пустыни в Сказание входят 54 чуда. Некоторые из них рассказывают о бывших от иконы чудотворениях, которые произошли в сибирских городах, куда, очевидно, с ней ходили монахи Архангельского монастыря Устюга.²²

Таким образом, возникновение целого слоя житийных повестей и сказаний в Устюжском крае связано с деятельностью местных писателей, представителей церковного и монастырского клира.

При характеристике данной социальной прослойки устюжского населения следует иметь в виду, что священники церквей и иноки монастырей Устюжского края немногим отличались по своему образу жизни от представителей других групп населения (в основном крестьянского, посадского и купеческого) и, вполне вероятно, многие были выходцами из них. Расцвет их литературной деятельности можно относить ко второй половине XVII в. В это время в общерусском литературном движении происходят глубокие внутренние изменения, связанные с общим процессом демократизации русской культуры.

Детальный анализ этих литературных произведений в контексте других памятников демократической литературы XVII в. — задача дальнейшего исследования.

²⁰ Там же. Л. 32. — Документ на этом листе представляет собой «Копию соискания Теплогорской богородицкой пустыни строителя иеромонаха Феодосия», в которой говорится о прежних чудесах от чудотворной иконы и о том, что после пожара 1722 г. образ сторел, а последние чудеса от этого образа были написаны в 1683 г.

²¹ Последнее чудо Сказания датируется 1683 г., в документе также говорится о последней записи чудес от иконы в 1683 г.

²² БАН, Устюжское собр., № 19, л. 11—30.